

6. Petrov P. K. Criminal legal and criminological aspects of kidnapping. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Chelyabinsk, 2010. 22 p. (In Russ.)
7. Nurkaeva T. N. Criminal legal protection of the person, person's rights and freedoms: theory and practice. Monograph. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 2017. 256 p. (In Russ.)
8. Ganzha Yu. V. Crimes against human honor and dignity: criminal legal and criminological characteristic. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Krasnodar, 2007. 24 p. (In Russ.)
9. Shakhmanaev K. A. Criminal and legal protection of human honor and dignity: criminal and criminological analysis. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.)
10. Hörnle T., Kremnitzer M. Human Dignity as a Protected Interest in Criminal Law. *Israel Law Review*. 2011;44(1—2):143—167. DOI: 10.1017/S0021223700000996.
11. Leo R. A. The Criminology of Wrongful Conviction: A Decade Later. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2017;33(1):82—196.
12. Preda A. Criminological Study on Human Trafficking during the Pandemic in Romania. *Bulletin of the Transylvania University of Brasov. Series VII: Social Sciences and Law*. 2022;15(Spec. iss.):175—184. DOI: 10.31926/but.ens.2021.14.63.2.23.
13. Shestalo S. S. Kidnapping. 2023. Available at LRS ConsultantPlus. (In Russ.)
14. Polyanskaya E. M. Objective attributes of illegal imprisonment (Art. 127 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2021;12:54—58 (In Russ.)
15. Krotov V. V. Human dignity in the focus of modern doctrine and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;2:124—135 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 25.06.2023.
The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 25.06.2023.

Научная статья

УДК 341.9

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.686

Tatiana Vladimirovna Efimtseva

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Entrepreneurial and Natural-Resources Law,
Orenburg Institute (Branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
Professor of the Department of Civil Law and Process,
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
tve-26@mail.ru

Татьяна Владимировна Ефимцева

д-р юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой предпринимательского и природоресурсного права,
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
профессор кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский государственный университет
Оренбург, Российская Федерация
tve-26@mail.ru

Aslan Sandubayulu Aliturliev

Postgraduate of the Department of Civil Law and Process,
specialty of training 40.03.01 — Jurisprudence,
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
asik_aas@mail.ru

Аслан Сандыбайулы Алитурлиев

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
направление подготовки 40.03.01 — Юриспруденция,
Оренбургский государственный университет
Оренбург, Российская Федерация
asik_aas@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ДОГОВОР»

5.1.3 — Частноправовые (цивилистические) науки

Аннотация. Статья посвящена определению понятия «внешнеторговый договор», что представляется оправданным с учетом того обстоятельства, что Российская Федерация заняла десятое место среди крупнейших экспортеров мира, но регламентация отношений, связанных с заключением и исполнением внешнеэкономических договоров, далека от совершенства, что подтверждается отсутствием единого, законодательно закрепленного термина для таких договоров. Более того, законодательство Российской Федерации о внешнеэкономической деятельности не систематизировано и разрознено, а процедуры, призванные реализовать механизм государственного регулирования внешней торговли, прописаны не четко. Множество проблем возникает у судов при определении

применимого права в случае возникновения споров из внешнеэкономических (внешнеторговых) сделок. В этой связи в статье предлагается определение внешнеэкономического договора на основе анализа положений законодательных актов, практики их применения и доктрины, а также в результате проведенной систематизации признаков, присущих рассматриваемому виду сделок. При этом к признакам внешнеэкономического договора относятся: нахождение коммерческих предприятий — сторон такого договора — в различных государствах; связанность отношений, вытекающих из договора, с различными правовыми порядками; направленность договора на систематическое получение прибыли, т. е. заключение договора в коммерческих целях, а не в целях личного, домашнего, семейного использования

имущества — объекта договора; нахождение объекта договора за границей или его перемещение через таможенную границу; особый порядок расчетов по договору; особый порядок оформления договора и других необходимых документов (спецификаций, деклараций, накладных, паспортов и т. д.); особый порядок разрешения споров, возникающих из договоров.

Для цитирования: Ефимцева Т. В., Алитурлиев А. С. К вопросу об определении понятия «внешнеторговый договор» // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 231—236. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.686.

Original article

ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF FOREIGN TRADE AGREEMENT

5.1.3 — Private law (civil law) sciences

Abstract. The article is devoted to the definition of the concept of foreign trade agreement, which seems justified given the fact that the Russian Federation is ranked tenth among the world's largest exporters, but the regulation of conclusion and execution of foreign trade agreements is far from perfect, which is confirmed by the absence of a single legally fixed term for such agreements. Moreover, the legislation of the Russian Federation on foreign trade activities is unsystematic and fragmented, and the procedures designed to implement the mechanism of state regulation of foreign trade are not clearly spelled out. Courts face many problems in determining the applicable law in cases of disputes arising from foreign economic (foreign trade) transactions. In this regard, the article proposes a definition of a foreign trade agreement based on the analysis of legislation, its application practice and doctrine, as well as a result of systematization of the features inherent in the type of transactions under consideration. At the same time, the

signs of a foreign trade agreement include the following: the presence of commercial enterprises — parties to such an agreement — in different states; the connectedness of relations arising from the agreement with various legal systems; the focus of the contract on systematic profit-making, that is, the conclusion of the contract for commercial purposes, and not for personal, home, family use of the property — object of the contract; the object of the contract is located abroad or moves across the customs border; a special procedure for settlements under the contract; a special procedure for processing the contract and other necessary documents (specifications, declarations, invoices, passports, etc.); a special procedure for resolving disputes arising from contracts.

Keywords: entrepreneurial activity, customs border, foreign economic activity, foreign trade activity, participant in foreign trade activity, foreign economic transaction, foreign element, foreign trade agreement, form of transaction, applicable law

For citation: Efimtseva T. V., Aliturliev A. S. On the question of the definition of the concept of foreign trade agreement. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2023;3(64):231—236. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.686.

Введение

В условиях современного состояния мировой системы хозяйствования особое значение имеет развитие внешнеэкономической деятельности. Данному виду деятельности сопутствует не только расширение рамок либерализации внешнеэкономической деятельности, но и выполнение ряда взаимных обязательств, в первую очередь, по унификации и гармонизации российского законодательства и механизма государственного регулирования в сфере внешнеэкономической деятельности для обеспечения их совместимости с международными нормами и принципами и адаптации к утвердившимся на мировых товарных и валютно-финансовых рынках правилам рыночной экономики.

В России данная сфера экономики также относится к динамично функционирующему сектору, способствуя сохранению и поддержанию необходимого баланса экспорта и импорта в ряде промышленных отраслей, что особенно важно в сложный для нашей страны период реформирования национальной экономики. Так, проведение Россией специальной военной операции на территории Украины спровоцировало усиление международных санкций в отношении российских субъектов внешнеэкономической деятельности, что существенным образом повлияло на торговые отношения между отечественными и иностранными предпринимателями. Исследования Центра макроэкономического анализа и прогнозирования выявили наиболее уязвимые отрасли экономики, в которых доля импорта превышает 20 % — это, в частности, фармацев-

тика, производство химических веществ и продуктов, строительство самолетов, кораблей, железнодорожных локомотивов, автомобилестроение и ряд других.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение правового регулирования внешнеэкономической и, прежде всего, внешнеторговой деятельности и поиск путей его совершенствования в предлагаемых условиях. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**, в частности: выделить особенного правового положения субъектов внешнеторговой деятельности в Российской Федерации; дать общую характеристику внешнеторгового договора как внешнего выражения внешнеторговой деятельности, сформулировать его определение и выделить присущие ему признаки.

Аналогичные цель и задачи ставили перед собой многие отечественные исследователи (М. М. Богуславский, Г. К. Дмитриева, В. А. Канашевский, А. С. Комаров, Л. А. Луниц, Б. А. Шахназаров и др.). Однако настоящая статья отличается теоретической и практической значимостью, что подтверждает **целесообразность, своевременность и актуальность** проведенного научного исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней проводится критический анализ двойственного правового статуса субъектов внешнеэкономической деятельности, большую часть которых составляют транснациональные компании с иностранным участием, имеющие филиалы, представительства и отделения в разных странах и требующие

особого законодательного определения. В связи с этим осуществляется попытка доктринально закрепить понятие юридического лица — участника внешнеэкономической деятельности, определив его как организацию, которая осуществляет свою деятельность на территории более чем одного государства, каждое из которых обладает собственной системой национального права.

Практический аспект исследования состоит в том, что проводится исследование современного состояния внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации в условиях отрицательных последствий санкционной политики, а также внешнего недружественного воздействия, которое сказывается на возможности привлечения в российскую экономику инвестиций, затормаживает модернизацию ключевых отраслей, истощает резервы страны.

Научная новизна исследования обусловлена целостным обоснованием вывода о необходимости отражения на уровне федерального законодательства легального понятия «внешнеторговый договор», в качестве квалифицирующих признаков которого предложено использовать два ключевых критерия: наличие иностранного элемента и коммерческий характер.

Теоретико-методологическую основу статьи составляют концептуальные положения, выводы и рекомендации, представленные и обоснованные в фундаментальных и прикладных исследованиях советских и российских, казахстанских и других зарубежных ученых, посвященных проблемам правового регулирования внешнеэкономической (внешнеторговой) деятельности.

Методология исследования основывается на принципах научности, объективности и конкретности истины, тождества исторического и логического, единства бытия и мышления. В статье использовались общенаучные методы (анализ и синтез, конкретизация и обобщение, сравнение, характеристика, индукция, дедукция, аналогия и др.) и частонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, юридического толкования и др.). Так, были проанализированы мнения различных ученых по вопросу понятия внешнеэкономической сделки, проведено сравнение этих мнений, выявлены признаки внешнеэкономической сделки, на основе которых было выведено и предложено авторское определение. Методы конкретизации и обобщения использовались при работе с судебной практикой, а специальные методы юридического толкования и формально-юридический — при изучении нормативных правовых актов.

Информационной базой исследования послужили статистические данные и иные материалы, размещенные на сайтах глобальной сети «Интернет».

Основная часть

Безусловным последствием глобализации мировой экономики становится расширение международных экономических связей, а также развитие правового регулирования отношений, связанных с их установлением. При этом реализация международных экономических связей в основном достигается путем заключения коммерческих договоров. Среди таких договоров широкое распространение получили договоры купли-продажи, подряда, перевозки, оказания услуг, факторинга, франчайзинга и др. С развитием экономики и усложнением отношений в хозяйственном обороте появились новые виды договорных конструкций в области реализации проектов (например, договоры на выполнение проектов, договоры об оказании услуг генерального подрядчика, услуг по проектированию и закупкам, услуг по управлению строительством) [1].

Вместе с тем практика показывает, что договоры, заключаемые во внешнеэкономической деятельности, несмотря на включение их в общую группу, имеют различные наименования: «внешнеэкономическая сделка», «внешнеэкономический контракт» [2], «внешнеторговая сделка», «внешнеторговый договор», «международный коммерческий договор» [3; 4] и т. д.

Между тем большинство из представленных наименований (внешнеэкономическая сделка, внешнеэкономический контракт, внешнеторговая сделка) носят доктринальный характер и редко используются в международной практике, хотя понятие «внешнеэкономическая сделка» достаточно прочно вошло в правовой лексикон отечественных ученых и предпринимателей. При этом использование термина «внешнеэкономическая сделка» всё же имеет место в публично-правовых актах, положенных в основу императивного государственного регулирования в России [5].

В международных актах, в частности в Принципах международных коммерческих договоров (Принципах УНИДРУА), которые достаточно часто используются российскими третейскими и арбитражными судами, в свою очередь, закреплено понятие «международный коммерческий договор» [6]. Что же касается отдельных видов договоров, то, например, в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. используется термин «договор международной купли-продажи».

Стоит подчеркнуть, что из всех используемых в законодательстве и в доктрине по отношению к рассматриваемым формам терминов наиболее верным представляется именно «договор», поскольку «сделка» более широкое понятие, ведь она может быть и односторонней, но если речь идет о внешней торговле, то это всегда соглашение ее участников, т. е. договор. Отсутствие единства в наименовании сказывается и на дефиниции «внешнеэкономическая сделка», которая также предопределяет ряд научных дискуссий.

Прежде всего, хотелось бы привести мнение Л. А. Лунца, который под внешнеторговыми понимает сделки, в которых по меньшей мере одна из сторон является иностранным лицом. Содержание таких сделок, по мнению автора, составляют операции непосредственно по ввозу/вывозу товаров либо сопутствующие им [7, с. 73].

Более систематизированный подход высказывает И. В. Гетьман-Павлова, которая все коммерческие контракты, осложненные иностранным правом, в зависимости от цели подразделяет на контракты международного характера (заключаются для удовлетворения личных нужд, имеют разовый, нерегулярный характер) и международные коммерческие контракты (связываются с осуществлением систематической предпринимательской деятельности) [8, с. 76].

Судебная практика подтверждает, что под внешнеэкономическими сделками понимаются сделки, совершаемые российскими организациями с иностранными контрагентами в процессе осуществления внешней торговли и иных видов внешнеэкономической деятельности. Следовательно, в качестве обязательного критерия внешнеэкономической сделки, выработанной судебной практикой, можно выделить ее коммерческий характер и направленность на систематическое получение прибыли [9].

Определенный научный потенциал имеет позиция Г. К. Дмитриевой об относимости таких сделок к обороту Российской Федерации, на регулирование которых объективно претендует несколько правовых порядков [10, с. 73].

Таким образом, специфическими свойствами внешнеэкономической сделки, выделяемыми в доктрине и не отрицаемыми судебной практикой, служат следующие критерии: 1) коммерческий характер сделок; 2) достаточная связь отношения с правовыми порядками нескольких государств [11, с. 37].

В этой связи «внешнеэкономическую сделку» следует отличать от «сделки, осложненной иностранным элементом», т. к. иностранный элемент может проявиться не только в субъектном составе, но и в характере исполнения обязательств, в предмете договора и т. д. [12]. Следовательно, не всякая сделка, осложненная иностранным элементом, является в сущности внешнеэкономической [13, с. 23].

В связи с этим считаем необходимым выделить особенности внешнеэкономической сделки, отличающие ее от других сделок, осложненных иностранным элементом. В науке по данному вопросу также можно выделить ряд позиций.

В частности, Д. П. Стригунова к признакам внешнеэкономической сделки относит: а) коммерческий характер; б) международный характер [4, с. 40].

В свою очередь А. О. Иншакова выделяет такие особенности, как: а) влияние общих признаков гражданско-правовой сделки; б) международный характер; в) предпринимательский характер сделки; г) связь с правовым порядком нескольких государств, в том числе России [11, с. 38].

Последний признак в современных условиях приобретает всё большую значимость. Так, сложившаяся политическая ситуация вынуждает нашу страну принимать меры по мобилизации экономики, одной из приоритетных задач политики которой, с точки зрения некоторых исследователей, должно быть введение государственной монополии на внешнюю торговлю и государственной валютной монополии [14], что в свою очередь может стать причиной для законодателя вернуть установленные ранее требования к форме и порядку заключения внешнеэкономических сделок (ст. 1209 Гражданского кодекса РФ).

В процессе разрешения споров из внешнеэкономических сделок у судов возникает множество проблем при определении применимого права. В таких случаях именно коллизионные нормы устанавливают, право какого государства должно быть применено к данному правоотношению [15]. Из смысла п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ следует, что если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, где находится сторона, осуществляющая решающее исполнение, то к договору подлежит применение права той страны, с которой договор более тесно связан.

В п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» указано, что в исключительных случаях суд не применяет коллизионные нормы о решающем исполнении, но с обязательным указанием причин, по которым он считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны.

Важно подчеркнуть, что указанные обстоятельства индивидуальны для каждого конкретного случая. Тем не менее анализ судебной практики позволил обобщить примеры, свидетельствующие о наиболее тесной связи внешнеэкономического договора.

Во-первых, о наиболее тесной связи свидетельствует место заключения и исполнения договора. Например, в рамках дела судом подытожено, что заключение контрактов, равно как и их исполнение происходило на территории

Российской Федерации, поэтому спор подлежит рассмотрению по российскому законодательству (постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2019 г. № Ф05-455/2019 по делу № А4124493/2018).

Во-вторых, язык, на котором заключен договор, характеризует наиболее тесную связь, о чем говорит постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2017 г. № Ф05-17821/2017 по делу № А40-255169/16, где из содержания договора установлен приоритет текста на русском языке.

В-третьих, о тесной связи может говорить место нарушения обязательства. Так, при рассмотрении дела № А41-58150/16 судом сделан следующий вывод: спор подлежит рассмотрению по законодательству Российской Федерации, поскольку он обусловлен исключительно неисполнением обязанности (постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2017 г. № 10АП-3218/2017 по делу № А41-58150/16).

В-четвертых, место ведения бизнеса может стать обстоятельством, свидетельствующим о наиболее тесной связи. К такому выводу пришел суд в деле, при рассмотрении которого не выявлено никакой иной связи с иностранным элементом, кроме места регистрации поставщика (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2018 г. № 15АП-12665/2018 по делу № А531846/2018).

Представленные примеры из судебной практики позволяют сделать вывод, что суд в отдельных случаях может отступить от общепринятых правил и применить к правоотношениям право той юрисдикции, с которым договор более тесно связан. При этом перечень обстоятельств, свидетельствующих о наиболее тесной связи, не является исчерпывающим и вытекает из существа спора.

Заключение

Договоры, заключаемые во внешнеэкономической деятельности, несмотря на включение их в общую группу, имеют различные наименования: «внешнеэкономическая сделка», «внешнеэкономический контракт» [2], «внешнеторговая сделка», «внешнеторговый договор», «международный коммерческий договор» [3; 4] и т. д.

На основе анализа законодательства, практики его применения и доктрины, а также в результате проведенной систематизации признаков, присущих рассматриваемому виду сделок, предлагается определение внешнеэкономического договора, учитывая то, что именно данная конструкция должна применяться на практике. При этом к признакам внешнеэкономического договора относятся следующие: нахождение коммерческих предприятий — сторон такого договора — в различных государствах; связанность отношений, вытекающих из договора, с различными правовыми порядками; направленность договора на систематическое получение прибыли, т. е. заключение договора в коммерческих целях, а не в целях личного, домашнего, семейного использования имущества — объекта договора; нахождение объекта договора за границей или его перемещение через таможенную границу; особый порядок расчетов по договору; особый порядок оформления договора и других необходимых документов (спецификаций, деклараций, накладных, паспортов и т. д.); особый порядок разрешения споров, возникающих из договоров.

Анализ судебной практики позволил выявить следующие признаки внешнеэкономического договора и обстоятельства, которые могут свидетельствовать о более тесной связи договора с правом конкретной юрисдикции: место заключения и исполнения договора; приоритет языка договора;

место нарушения обязательства; место ведения бизнеса. С учетом международной практики, а также с целью обеспечения стабильности международных отношений целесообразно рассмотреть вопрос о нормативном закреплении на

федеральном уровне легального понятия «внешнеторговый договор», для определения которого нужно использовать два основных критерия: наличие иностранного элемента и непосредственную связь с предпринимательской деятельностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романова В. В. Особенности правового регулирования внешнеэкономических сделок в сфере энергетики // *Международное публичное и частное право*. 2016. № 1. С. 16—21.
2. Циммерман А. Л. Особенности правового регулирования внешнеэкономических сделок // *Петербургский экономический журнал*. 2014. № 3. С. 37—43.
3. Курс внешнеторгового права: основные внешнеторговые сделки / под общ. ред. Я. И. Функа. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2007. 654 с.
4. Стригунова Д. П. Понятие и признаки международного коммерческого договора // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2015. № 4. С. 40—42.
5. Гицу М. А., Гицу В. Д. Модернизация понятия внешнеэкономической сделки // *Государство и право*. 2020. № 1. С. 123—138. DOI: 10.31857/S013207690008358-5.
6. Комаров А. С. Принципы УНИДРУА как применимое право в международных коммерческих договорах // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 2. С. 57—60. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-2-57-60.
7. Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002. 1007 с.
8. Гетьман-Павлова И. В. *Международное частное право : учеб. для магистров : для студентов высш. учебн. заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция»*. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 959 с.
9. State-legal regulation and management of foreign economic activity in Kazakhstan / G. R. Baytaeva, M. K. Ayazhanova, M. N. Abdildinova et al. // *Revista Espacios*. 2020. Vol. 41. Iss. 12. P. 2.
10. *Международное частное право : учеб. / отв. ред. Г. К. Дмитриева*. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 680 с.
11. Иншакова А. О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых ее видов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2015. № 2(27). С. 37—45.
12. Ефимцева Т. В., Алитурлиев А. С. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности: методы и их правовая сущность // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 1. С. 83—93.
13. Канашевский В. А. *Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование*. М. : Волтерс Клувер, 2008. 591 с.
14. Катасонов В. Государственная монополия внешней торговли — неперемное условие экономической мобилизации России // *Русское экономическое общество имени С. Ф. Шарапова*. 2022. 2 нояб. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-gosudarstvennaya-monopoliya-vneshnej-torgovli-nepremennoe-uslovie-ekonomicheskoy-mobilizacii-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2023).
15. Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г. Роль государства во внешнеэкономической деятельности в России и за рубежом: новая или старая парадигма? // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2020. № 5. С. 65—80. DOI: 10.12737/jflcl.2020.042.

REFERENCES

1. Romanova V. V. Features of legal regulation of foreign economic transactions in the energy sector. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*. 2016;1:16—21. (In Russ.)
2. Zimmerman A. L. Features of legal regulation of foreign economic transactions. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*. 2014;3:37—43. (In Russ.)
3. The course of foreign trade law: the main foreign trade transactions. Ya. I. Funk (ed.). Moscow, Publishing house of business and educational literature, 2007. 654 p. (In Russ.)
4. Strigunova D. P. The concept and signs of an international commercial contract. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;4:40—42. (In Russ.)
5. Gitsu M., Gitsu V. Modernization of the concept of foreign economic transactions. *Gosudarstvo i pravo*. 2020;1:123—138. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013207690008358-5.
6. Komarov A. S. UNIDROIT principles as applicable law in international commercial contracts. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and civil procedure*. 2022;2:57—60. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-383X-2022-2-57-60.
7. Lunts L. A. Course of private international law. In 3 volumes. Moscow, Spark, 2002. 1007 p. (In Russ.)
8. Getman-Pavlova I. V. International private law. Textbook for masters, for students of higher educational institutions studying Jurisprudence and majoring in Jurisprudence. 4th ed. Moscow, Yurait, 2013. 959 p. (In Russ.)
9. Baytaeva G. R., Ayazhanova M. K., Abdildinova M. N. et al. State-legal regulation and management of foreign economic activity in Kazakhstan. *Revista Espacios*. 2020;41(12):2.
10. Private international law. Textbook. G. K. Dmitrieva (ed.). 4th ed. Moscow, Prospekt, 2017. 680 p. (In Russ.)
11. Inshakova A. O. Questions of qualification of a foreign economic transaction and the legal specifics of some of its types. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. 2015;2(27):37—45. (In Russ.)

12. Efimtseva T. V., Aliturliev A. S. State regulation of foreign trade activity: methods and their legal essence. *Oeconomia et Jus*. 2022;1:83—93. (In Russ.)
13. Kanashevskii V. A. Foreign economic transactions: substantive and conflict regulation. Moscow, Wolters Kluwer, 2008. 591 p. (In Russ.)
14. Katasonov V. The state monopoly of foreign trade is an indispensable condition for the economic mobilization of Russia. *Sharapov Russian Economic Society*. November 2, 2022. (In Russ.) URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-gosudarstvennaya-monopoliya-vneshnej-torgovli-nepremennoe-uslovie-ekonomicheskoy-mobilizacii-rossii.html> (accessed: 05.04.2023).
15. Doronina N. G., Semilyutina N. G. The role of the state in foreign economic activity in Russia and abroad: new or old paradigm?. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2020;5:65—80. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2020.042.

Статья поступила в редакцию 12.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 25.06.2023.
The article was submitted 12.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 25.06.2023.

Научная статья

УДК 343.163

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.688

Kirill Viktorovich Kamchatov

Candidate of Law,

Head of the Department of Scientific Support of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws

in the Implementation of Operational Investigative Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Research Institute,

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

niiagp@mail.ru

Кирилл Викторович Камчатов

канд. юрид. наук,

зав. отделом научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов

при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве

Научно-исследовательского института,

Университет прокуратуры Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

niiagp@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В данной статье проанализирован действующий порядок электронного межведомственного взаимодействия, определены возможные пути систематизации ведомственных цифровых решений, используемых в рамках реализации уголовно-процессуальных правоотношений прокурорами и должностными лицами органов предварительного расследования, сформулирована модель развития цифровой надзорной среды в контексте тенденций цифровой трансформации отечественного уголовного судопроизводства. В основу предложений легли выявленные современные проблемы унификации цифровых подходов и решений, используемых прокурорами для организации и осуществления надзора в рамках уголовных процедур, пути их решения. В исследовании применен метод комплексного анализа, позволивший выявить в процессе пилотного или начального использования прокурорами цифровых решений наиболее работоспособные практики, а также уязвимые элементы формирующегося цифрового внутри- и внешнесистемного взаимодействия. Данный методологический подход позволил учесть положительный потенциал надзорной практики и оценить достижимость реализации перспективных задач по построению цифровой надзорной среды.

Результаты исследования могут стать основой формирования развития цифровой трансформации прокурорской деятельности в части реализации отдельных направлений надзорных полномочий и уголовного процесса в целом.

Выдвинутая научная гипотеза, заключающаяся в определении условий и возможностей для систематизации различных цифровых решений по формированию цифровой надзорной среды в современных условиях на основе опыта ведомственных информационных систем, доказана. При обосновании положений и выводов с учетом специфики изучаемого вопроса применены такие методы, как системный, структурно-функциональный, аналитический анализ, на эмпирическом уровне — социологический. Статья содержит предложения по формированию модели цифровой надзорной среды, методологические подходы ее построения, а также предложения для направления дальнейшего исследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурорский надзор, досудебное производство, информационные системы, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровизация, трансформация, межведомственное взаимодействие, эффективность процессуальной деятельности, доступ к информации, доступ к правосудию

Для цитирования: Камчатов К. В. Использование цифровых решений при организации и осуществлении прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 236—241. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.688.